

Его голос, глухой и сдавленный, тонул в плече Хуа Чжао. Слегка повернув голову, он обдал её ухом горячим дыханием, и из глубины его горла вырвался тонкий, дрожащий всхлип:

— Прошу тебя...

Хуа Чжао не стала с силой отталкивать Се Фу и не произнесла ни слова, чтобы намеренно задеть его.

Обаяние и методы Се Фу были ей хорошо знакомы. В прошлой жизни она сама добровольно попала в расставленные им любовные сети, словно мотылёк, запутавшийся в паутине, и оставалась в этом плену до самой смерти.

К тому времени, как она осознала, что желаемое ею и полученное — две разные вещи, у неё уже не осталось ни мужества, ни путей к отступлению, чтобы вырваться из этих сетей. Тогда её друзья были рассеяны, наставники мертвы, близкие ушли из жизни. Оставшись без Се Фу и без статуса Императрицы Юйсяо, куда она могла податься в этом необъятном мире?

В глубокой ночи она могла лишь обнимать своего Хэйцю и вновь, и вновь с горечью твердить: если бы только можно было прожить жизнь заново.

Однако Хуа Чжао поняла, что слишком упростила задачу расставания с Се Фу. На данном этапе она оставалась единственной опорой, за которую он мог ухватиться, а Се Фу всегда был готов на всё ради обретения силы. Как он мог так просто отступить?

То, что он притащил её сюда и предстал в таком виде, было неожиданно, но вполне в его духе.

Се Фу происходил из низов и с детства терпел унижения, но в глубине души он был человеком невероятно гордым, если не сказать самонадеянным. Он не мог понять и не позволял, чтобы люди или события, находившиеся в его власти, выходили из-под контроля.

Стоило им ускользнуть — и он готов был пойти на любые крайние меры.

И действительно, заметив, что Хуа Чжао словно застыла, Се Фу принялся осыпать её шею чередой нежных, влажных поцелуев.

Хуа Чжао слегка отклонилась, но Се Фу придержал её за подбородок и потянулся к её губам. Он не прижался сразу, а замер, едва касаясь её, и их носы соприкоснулись.

Спустя мгновение он снова заговорил, и его голос, подобно теплему источнику, заструился по её коже:

— Чжао-Чжао, ты можешь сказать мне, что я сделал не так?

Он казался таким испуганным, что его тело слегка дрожало, словно он готов был лишиться чувств прямо здесь, стоило Хуа Чжао произнести еще хоть одно холодное, жестокое слово.

Удивительно, но при росте, почти равном росту Ши Ушэ, он умудрялся выглядеть настолько жалким, и это совсем не казалось чем-то неуместным.

Хуа Чжао пристально смотрела на Се Фу в упор, вглядываясь в лицо, которому посвятила всю свою прошлую жизнь, но в мыслях у неё промелькнуло: интересно, как выглядел бы Ши Ушэ, если бы так же жалобно заглядывал ей в глаза со слезами на ресницах? Хуа Чжао думала об этом и чуть было не рассмеялась совсем не к месту. Она просто не могла представить, как будут выглядеть заплаканными те самые лисьи, пронзительные глаза Ши Ушэ, да и Ши Ушэ никогда бы не стал прикидываться жалким так, как это делал Се Фу.

Когда Се Фу попытался приблизиться и поцеловать её, Хуа Чжао отвернулась и уперлась ладонью ему в плечо, немного отталкивая, после чего спокойно произнесла:

— Нет, ты ничего не сделал не так, и тебе не нужно вести себя так осторожно.

После того как Ши Ушэ дважды намеренно ранил Се Фу, последняя искра обиды, таившаяся в сердце Хуа Чжао по отношению к нему, окончательно угасла, и теперь она испытывала скорее глухую растерянность.

— Я не понимаю, — Се Фу снова подался вперед.

Тусклый огонек лампы отражал упрямство и непреклонность в его прекрасных персиковых глазах. Он снова обнял Хуа Чжао, одной рукой придерживая её за спину, а другой развязывая собственный пояс.

Бряк — пояс упал на землю.

Се Фу перехватил запястье Хуа Чжао и, направляя её руку, положил её ладонь себе на грудь.

Слегка опустив голову, Се Фу посмотрел на неё и произнёс:

— Доготронуся до меня. Ты правда... больше меня не любишь?

— Совсем-совсем не любишь? — Се Фу силой прижал ладонь Хуа Чжао к своему боку, так что её ладонь ощущала, как под дыханием слегка вздымается упругое и гибкое тело юноши. Се Фу походил на соблазняющего души демона. Глядя прямо в глаза Хуа Чжао, он произнес: Я не верю, что он тебе нравится.

Посмотри на меня, обними меня, в чем я уступаю ему? Се Фу крепко обнял Хуа Чжао, его голос звучал одновременно по-юношески робко и с манящим чувственным желанием. Еле слышным шепотом он произнес: Научи меня, все, что умеет он, смогу и я...

Моя нынешняя база культивации еще слаба, но ты просто подожди меня, — Се Фу направил руку Хуа Чжао ниже и проговорил: Дай мне немного времени, и я обязательно стану в тысячу, в десять тысяч раз сильнее его.

Чжао-чжао... поверь мне. Щеки Се Фу покраснели, и он слегка отвел взгляд. Хуа Чжао знала: так он выглядел, когда смущался.

Она не видела этого уже несколько сотен лет. Но поначалу, когда они только были вместе, в такие моменты близости Се Фу точно так же застенчиво не смел смотреть на нее.

Она знала, что сейчас он искренен, знала, что ради возвращения ее расположения он

действительно старается изо всех сил, отдавая все, что у него есть.

Да что у него осталось теперь? Разве что он сам.

Между ними не было какой-то глубокой, непримиримой ненависти, и когда-то они были счастливы, вот только... их пути разошлись. Хуа Чжао не хотела унижать Се Фу и не желала, чтобы всю свою жизнь он боролся и страдал, опускаясь на самое дно. Если бы в этой жизни их судьбы не переплелись неизвестно по какой причине, Хуа Чжао предпочла бы просто разойтись с ним незнакомцами.

Поэтому она не стала говорить ничего, что могло бы задеть Се Фу, а лишь на редкость мирно высвободила руку, которую он тянул к запретному, и посмотрела на него кристально ясным взглядом, давая понять, что её сердце осталось холодным.

Она даже сама аккуратно запахнула ворот его одежды.

— Се Чанся, — немного подумав, произнесла Хуа Чжао. — Ты не сделал ничего плохого. Тебе не нужно вечно винить себя и думать, будто тебя бросили из-за того, что ты недостаточно старался.

— Я не бросала тебя. Я просто поняла, что наши пути расходятся, а стремления у нас разные, поэтому нам нужно расстаться. Только и всего.

— В прошлый раз я назвала тебя ничтожным нарочно, чтобы задеть, но на самом деле я так не думаю.

— Я знаю, что в будущем ты станешь невероятно сильным. В конце концов, у тебя всё отлично получается, и твой уровень культивации растет очень быстро. — Хуа Чжао отступила на шаг и добавила: — Давай впредь будем соучениками.

В глазах Се Фу читалось полное непонимание, но то тщательно взлелеянное вождение рассеялось.

Он посмотрел на Хуа Чжао, и когда заговорил снова, его голос звучал чисто и звонко, без наигранной хрипотцы.

— Это ведь ты сама помогала мне, поддерживала меня, привела в ученики к старейшине Хунбо и лично обещала провести со мной всю жизнь, а в мгновение ока сошлась с другим мужчиной...

— Ты позволяла ему унижать и оскорблять меня, а сама смотрела на это с холодным равнодушием. — Дойдя до этого места, Се Фу даже слегка покраснел глазами.

Впервые он выказал искреннюю обиду:

— Неужели всё это время ты просто играла со мной? За кого ты меня принимаешь? А? За ручную собачонку, которую можно подзывать и прогонять по первому капризу?

Хуа Чжао: «.....»

В этой жизни, с точки зрения Се Фу, Хуа Чжао действительно вела себя не лучшим образом. Однако она не могла предъявлять ему претензии за то, что в прошлой жизни он взял в жёны целый гарем женщин — в конце концов, Се Фу об этом ничего не знал, да и для самой Хуа Чжао это уже не имело никакого значения.

Видя, что Хуа Чжао потеряла дар речи, Се Фу подался вперед, снова схватил её за запястье и принялся мягко уговаривать:

— Мне всё равно, что было между тобой и Ши Ушэ. Главное, чтобы впредь такого не повторялось.

Он смотрел на Хуа Чжао с абсолютно искренним выражением, в котором всё еще сквозила обида.

У Хуа Чжао буквально мурашки побежали по коже. Посмотрев на Се Фу, она сказала:

— Се Фу, ты не должен быть таким. Ты не тот человек, который станет так цепляться за сердечные дела.

— Ты отвергаешь меня, не хочешь ждать, но неужели ты и вправду знаешь, каков я на самом деле? — Се Фу наступал шаг за шагом. — Тогда скажи, как мне поступить? Насмерть убить Ши Ушэ? Или смириться с этим поражением и больше никогда к тебе не приближаться?

Он спросил Хуа Чжао:

— С чего ты вообще взяла, что наши пути несовпадимы? С чего ты решила, что то, что может дать он, не смогу дать тебе я?

Говоря это, он подошел к Хуа Чжао вплотную, заставив отступить туда, где отступать уже было некуда — её поясница уперлась в самый край окна.

В этот момент Се Фу был еще не тем императором с утонченным и хитрым сердцем, каким он станет в прошлой жизни, но справиться с одной Хуа Чжао для него не составляло никакого труда.

Хуа Чжао чуть было не поддалась на его уловки.

Она потрясла головой, коснулась лба, тяжело вздохнула и выпалила:

— Скажу тебе правду: я вообще не собираюсь больше культивировать.

С этими словами Хуа Чжао откинулась спиной на подоконник, чувствуя себя так, словно из её тела вынули все кости.

— Жизнь коротка, а культивация дается слишком тяжело. Я вовсе не из тех, кто умеет терпеть лишения, а всё, что было раньше — я просто притворялась.

Се Фу: «..... Ч-что ты такое говоришь?»

Если практик заявляет, что больше не будет культивировать, то чем он вообще собирается заниматься? Он был так ошеломлен, что даже заикался.

Откинув голову назад и упершись затылком в оконную створку, Хуа Чжао снизу вверх посмотрела на Се Фу:

— Сам знаешь, мой отец — алхимик. Причем весьма неплохой, созданные им пилюли расходятся на ура. Сегодня вечером я собираюсь пойти к своему наставнику именно для того, чтобы вернуть отца домой.

— Попрошу его сварить мне котел пилюль для прорыва. Достичь стадии Золотого Ядра на одной лишь жратве будет не так уж сложно, да и о тех, кто доедался до Стадии Зарождающейся Души, я тоже слыхала.

— Продлевать уровень культивации с помощью пилюль — это всё равно что строить из бумаги, ничем не лучше обычного смертного. Как тебе вообще в голову пришло такое извращение? — Се Фу уже забыл обо всём остальном и принялся хмуро отговаривать её.

Махнув рукой на всё, Хуа Чжао заявила:

— Из бумаги так из бумаги! В худшем случае я не стану спускаться с горы, останусь здесь паразитировать на всем готовом и проживу несколько сотен лет в свое удовольствие, наслаждаясь безмятежной жизнью.

— Прожить серую, никчемную жизнь, ничего не добившись — вот к чему я стремлюсь всем сердцем. А ты обременен жаждой мести и великими амбициями. Скажи, разве наши пути не разошлись окончательно?

Се Фу едва не рассвирепел от слов Хуа Чжао. Он вовсе не верил ни единому ее слову: у Хуа Чжао ведь даже духовные корни были нечистыми, но при этом она тренировалась с куда

большим усердием, чем он сам, а теперь вдруг заявляет, будто бросает культивацию?

Он притянул Хуа Чжао к себе, собираясь сказать что-то еще, но та отшатнулась назад и неизвестно как толкнула окно так, что оно распахнулось настежь. Оба они были погружены в собственные мысли, пытаясь убедить друг друга, и никто из них не ожидал, что из окна внезапно выскользнет тень. Следом за этим Се Фу с молниеносной быстротой отпрянул в сторону, но всё же не смог увернуться от острых когтей тени, которые оставили глубокие кровавые царапины на его шее.

Кровь хлынула в тот же миг.

Хуа Чжао опешила.

Однако вскоре она разглядела, что тень — не что иное, как её Хэйцю!

С каких это пор Хэйцю оказался за окном!

Из-за полученных царапин Се Фу в мгновение ока покрылся семью-восемью кровавыми полосами на шее. В его сердце вспыхнула ярость, он сложил пальцы в заклинание, призывая в руку меч, и, направив духовную силу, уже собирался нанести удар по этой не знающей страха черной лисице, которая с новым воинственным воплем бросилась на него.

Увидев это, Хуа Чжао тоже завопила:

— Се Фу, остановись!

С этими словами она влила духовную силу в рывок и бросилась вперёд. Се Фу не смел причинить вред Хуа Чжао, поэтому не мог использовать меч, и по неосторожности получил еще несколько царапин на груди.

— Мелкая... тварь! — Се Фу опустил взгляд на грудь и процедил сквозь зубы.

Хуа Чжао подхватила Хэйцю на руки, бросила взгляд на окровавленную грудь Се Фу, поняла, что в этот вечер разговора не получится, и бросилась к двери, сбега прочь.

Она боялась, что Се Фу окончательно рассвирепеет и убьет Хэйцю, ведь ей самой с Се Фу было не справиться.

Хуа Чжао неслась во весь опор, прижимая к груди Хэйцю. Под её ногами словно ветер свистел — за всю жизнь она еще никогда так быстро не бегала. Она даже не стала искать духовную птицу-вестницу, чтобы отправить восточку наставнику, а бежала прямо до тех пор, пока не оказалась недалеко от Двора Фэйлю. Оглянувшись и убедившись, что погони нет, она немного перевела дыхание.

Запыхавшись, Хуа Чжао прижимала к себе Хэйцю и, шагая вперед, трепала его за шкурку, отчитывая:

— Как ты смеешь распускать когти и царапать людей!

Тем не менее уголки её губ тронула улыбка: она знала, что Хэйцю защищал её, решив, будто её обижают.

В прошлой жизни было точно так же. Хэйцю тонко чувствовал её эмоции, и каждый раз, когда

Се Фу приходил в её покои, стоило ей хоть капельку показать свое недовольство, как Хэйцю тут же скалил зубы и выпускал когти.

Хэйцю никогда не боялся грозной силы Се Фу. В те времена культивация Се Фу росла с каждым днем, и даже духовные звери при виде него почтительно прижимали уши; если он не сдерживал намеренно свое духовное давление, Хуа Чжао даже не смела смотреть на него прямо. И лишь Хэйцю из-за неё неизменно, день за днем, пылал лютой ненавистью к Се Фу, готовый в любую секунду броситься на него.

Прижимая к себе Хэйцю, Хуа Чжао потерлась о него щекой и блаженно пробормотала:

— Не переживай, никто меня не обидит...

Подойдя к входу в Двор Фэйлю и уже собираясь активировать магический массив, чтобы войти, она услышала оклик:

— Младшая сестры.

Услышав этот голос, Хуа Чжао тут же обернулась и увидела, что к ним идут двое учеников Зала Правосудия в сопровождении Ши Ушэ.

— Второй старший брат! — Хуа Чжао бросилась к нему, прижимая к груди Хэйцю.

Она всё это время переживала из-за наказания Ши Ушэ, и теперь, увидев его целым и невредимым, почувствовала, как камень упал с сердца.

Однако, подойдя ближе, она уловила едва заметный запах крови, и её лицо мгновенно застыло.

— Ты ранен? — с тревожным беспокойством спросила она. — Старейшина Зала Правосудия применил к тебе наказание?

Хуа Чжао испуганно заговорила:

— Я сама всё объясню! Как старейшина Зала Правосудия мог, не разобравшись в деталях, применить к тебе наказание!

Доверяя собственному наставнику, она рассказала старейшине Хунбо всю правду, а затем полностью доверила дело его воле, полагая, что тот разъяснит всё Залу Правосудия. К тому же старейшины очень любили второго старшего брата, поэтому Хуа Чжао и не волновалась. Она думала, что благодаря утверждению о том, что Ши Ушэ одержим демонической сущностью, дело удастся затянуть на какое-то время, а там наказание и вовсе сойдет на нет.

Кто же знал, что Зал Правосудия сработает так быстро!

Стиснув в объятиях Хэйцю, Хуа Чжао собралась было броситься в сторону Зала Правосудия. Она еще не успела отдышаться после бега, её длинные волосы растрепались, а виски были влажными от пота, но глаза горели ярко и решительно, словно в них полыхал огонь праведного гнева.

Вся она походила на взъерошенного воробья — такая шумная и бойкая, готовая в любую минуту броситься на рожон!

Ши Ушэ, бледный из-за перенесенного наказания, с едва заметной синевой на осунувшемся лице, чьи губы лишились прежней краски, вдруг преобразился, стоило ему увидеть Хуа Чжао.

В его узких, холодных и пронзительных глазах, напоминавших чистейший минерал, замерцал мягкий свет. Он слегка прищурил глаза, уголки его губ тронула легкая улыбка, а лицо даже порозовело.

Он протянул руку и без труда перехватил Хуа Чжао за запястье, останавливая её на бегу. Поймав её, словно упорхнуть норовившего птенца, он посмотрел на нее сверху вниз и кончиками пальцев откинул со щеки прядь волос, норовившую залететь ей в рот.

— Я сам напросился на наказание, неужели ты хочешь из-за этого пойти и отлупить достопочтенного старейшину? — мягко произнес Ши Ушэ.

Хуа Чжао на мгновение замерла. Ши Ушэ... неужели он над ней пошутил?

Она захлопала ресницами, чувствуя легкое щекотание на коже. Подняв голову, она встретила с ним взглядом, но спустя мгновение потупилась — и вся её дерзкая решимость, будто лопнувший пузырь, миг исчезла бесследно. Пальцы Ши Ушэ всё ещё скользили по лицу Хуа Чжао, нежно цепляя выбившуюся прядку волос. Он заправил её за ухо, легонько коснулся большим пальцем её щеки и лишь после этого отнял руку.

Кожа Хуа Чжао вспыхнула от жара, который она никак не могла унять. То место, которого коснулся Ши Ушэ, мгновенно покраснело, и румянец расплзся по всему лицу.

Хотя Се Фу только что едва не «предстал перед ней в чём мать родила», Хуа Чжао не чувствовала себя настолько «до смерти пристыженной», как сейчас.

Впрочем, слово «пристыженная» здесь не подходило. Скорее, ей казалось, что у неё нет укрытия, где можно спрятаться. Словно... В общем, сегодня взгляд Ши Ушэ был каким-то особенным.

Сложно описать.

Хуа Чжао простояла так уже довольно долго, но дыхание после недавнего бега ничуть не выровнялось. Под этим взглядом Ши Ушэ, казалось, готовым проглотить её живьём, она чувствовала, что задыхается всё сильнее.

Постояв немного, Хуа Чжао поняла, что больше не выдержит. Ши Ушэ молчал, и ей пришлось заговорить первой:

— Каково было наказание от старейшины Зала Правосудия?

Хуа Чжао посмотрела на двух учеников Зала Правосудия, стоявших за спиной Ши Ушэ. Оба хранили молчание. Ши Ушэ произнёс:

— На что ты смотришь? Почему не спросишь меня?

Хуа Чжао: «.....» Она чувствовала, как воздух вокруг наполняется давящей тяжестью.

Ши Ушэ пояснил:

— Это было наказание для плоти, а не для духовной силы. Всего лишь сотня ударов Плетью Наказания.

Он немного помолчал и, глядя на Хуа Чжао, добавил:

— Наказали меня за то, что я ударил сородича по секте прямо в главном зале.

Смысл его слов сводился к тому, что наказание он получил вовсе не из-за неё.

Удивительно: тот, из которого и клещами слова не вытянешь, на сей раз специально заговорил, чтобы успокоить и утешить Хуа Чжао.

Услышав, что духовная сила Ши Ушэ не пострадала от ударов плети, Хуа Чжао с облегчением выдохнула. Она догадалась, что старейшина Зала Правосудия наверняка узнал всю правду.

Наказание для плоти — не такая уж беда: культиваторы восстанавливаются быстро. Тем более что у Ши Ушэ крепкое тело и высокий уровень силы, а если ещё использовать первоклассные целебные мази, он заживёт в мгновение ока.

— Тогда ты заходил в Медицинский павильон? Какую мазь тебе дали? Хочешь, я поищу что-нибудь получше? Постоишь здесь, я мигом!

С этими словами Хуа Чжао собралась вернуться во Двор Фэйлю, чтобы отыскать для Ши Ушэ высокоуровневое лекарство от ран. Выбегая оттуда, она слишком спешила и совсем забыть захватить Сумку для хранения.

К тому же во Дворе Фэйлю хранилось множество превосходных пилюль, созданных Хуа Лянмином. Обычно их не давали даже тем, кто просил об этом в Медицинском павильоне, — Хуа Лянмин оставлял их специально для дочери.

Раньше отношения Хуа Чжао с отцом были натянутыми, и она наотрез отказывалась принимать его дары. Отправляясь на тренировки во внешний мир, она брала лишь то, что давал старейшина Хунбо. Но в действительности те драгоценные пилюли всё равно проходили через руки старейшины Хунбо — их передал Хуа Лянмин перед тем, как покинуть гору.

Стоит человеку заупрямиться, как в нём просыпается всякое капризное чудачество. Вспоминая, как раньше она упорно сторонилась родного отца и стремилась провести между ними чёткую черту, Хуа Чжао находила собственное поведение невероятно ребяческим.

Однако едва она сделала шаг в сторону, как Ши Ушэ протянул руку и мягко надавил ей на плечо.

Сделав шаг в пустоту, Хуа Чжао качнулась назад и мягко врезалась в горячую грудь, от которой пахло кровью.

От неожиданности у неё ёкнуло сердце, и она так сильно прижала к себе Хэйцю, что тот издал жалобный писк.

Хуа Чжао тут же принялась успокаивать зверька, смертельно боясь, что Хэйцю набросится на Ши Ушэ точно так же, как на Се Фу, — этот пушистый комочек невероятно остро чувствовал её эмоции.

К счастью, на этот раз Хэйцю вёл себя смирно. Он послушно лежал на сгибе её руки, уставившись на девушку снизу вверх круглыми стеклянными глазами.

Стоило Хуа Чжао погладить его по макушке, как он тут же опустил голову.

— Я ещё не был в Медицинском павильоне и не смазал раны. — Ши Ушэ придержал Хуа Чжао за плечо, заставляя повернуться к нему лицом, и произнёс: — Меня скоро отправят на Пик Раскаяния. Меня приговорили к трём месяцам затворничества.

— А? Тебя и так отхлестали сотней плетей, так ещё и на Пик Раскаяния на три месяца? — Хуа Чжао ухватила не за ту суть, но быстро исправилась: — Почему ты до сих пор без мази? Пойдём скорее!

Ши Ушэ посмотрел на Хэйцю, устроившегося на руках у Хуа Чжао, и не сдвинулся с места.

Хэйцю, опустив голову, тоже замер.

К счастью, Хуа Чжао была не совсем уж лишена романтического чутья и быстро догадалась, что именно имеет в виду Ши Ушэ. Правда, ей всё ещё с трудом верилось: неужели Ши Ушэ сегодня не просто шутит с ней, но и перед отправкой на Пик Раскаяния сам пришёл к ней, чтобы она обработала его раны?

Она осторожно предложила:

— В Дворе Фэйлю есть те же лекарства, что и в Медицинском павильоне. Может, старший братец зайдёт внутрь, и я помогу тебе смазать раны?

Она даже нашла вполне разумное оправдание:

— К тому же незачем идти в Медицинский павильон — отсюда до Пика Раскаяния гораздо ближе, и мы управимся куда быстрее.

Хуа Чжао снова перевела взгляд на двух учеников Зала Правосудия, конвоировавших Ши Ушэ. Оба были в масках Зала Правосудия, так что выражений их лиц разглядеть не удавалось. Один из них уже приоткрыл рот, собираясь заговорить, но товарищ толкнул его локтем в бок, и тот тут же захлопнул рот.

Ши Ушэ кивнул:

— Тогда побеспокою младшую сестру.

Хуа Чжао: «.....» Разве эти двое из Зала Правосудия и впрямь конвоиры?

Хуа Чжао одной рукой прижимала к груди Хэйцю, а другой вычерчивала в воздухе рунные печати, отпирающие защитный барьер Двора Фэйлю.

<http://bllate.org/book/22424/2354338>